
НАУКА И ХРИСТИАНСТВО: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЛИ СОЮЗ?*

Пиама Гайденко

Институт философии РАН

Противостояние новоевропейской науки и христианской религии во многом кажущееся. Рациональное начало, опора на разум присущи христианскому богословию, как и европейской математике и логике. Вместе с тем генезис новоевропейского естествознания в XVI–XVII вв. тесно связан с ренессансным герметизмом и оккультизмом, ориентированным на магию. Автор полагает, что сегодня возможен и желателен союз науки и христианства на общей почве разумности.

Ключевые слова: наука, религия, рациональность, иррациональное, эмпирия, теория, Откровение, разум, генезис новоевропейской науки, герметизм, союз науки и христианства.

25 января 2002 г. газета «Известия» опубликовала под моим именем текст, составленный журналистом С.Л. Лесковым на основании телефонного разговора, в котором даже не упоминалась возможность какой-либо публикации. Ни о подготовке текста, ни о появлении его в печати под довольно-таки нелепым заголовком «Наука и религия должны избегать друг друга» я ничего не знала. Более того, во многом было искажено и мое понимание вопроса. 1 февраля в «Известиях» была напечатана статья В.Л. Гинзбурга «Наука и религия в современном мире», где были критические замечания также и о «моей» статье. Чтобы разъяснить свою точку зрения, мною и написан настоящий текст, сокращенный вариант которого (так что выпали многие из аргументов) был опубликован в «Известиях» от 22 февраля 2002 г. В полемике вокруг поднятых проблем с критическими замечаниями – во многом справедливыми – по поводу «моего» текста принял участие и академик Е.Л. Фейнберг («В защиту науки» – «Новые Известия» от 22 февраля 2002 г.), которому я глубоко признательна за то, что, узнав от меня о происхождении первой статьи, он сообщил об этом читателям.

Вряд ли у кого-нибудь возникает сомнение в том, что наука и религия представляют собой разные способы осмысления и постижения мира и человека. Но можно ли на основании их различия делать вывод о том, что эти сферы человеческого духа извечно противостоят друг другу и друг друга начисто исключают, как это обычно делает атеистическая пропаганда? Правда ли, что наука как рациональное познание противостоит религии как иррациональной вере? Именно такую позицию защищает академик В. Гинзбург в статье «Наука и религия в современном мире», опубликованной в газете «Известия» от 1 февраля с.г. Поскольку автор статьи полемизирует,

* Статья впервые опубликована в журнале «Континент» (2002, № 113, раздел «Гнозис»).
Материалы публикуются с разрешения автора.

в том числе, и со мной, мне хотелось бы рассмотреть этот вопрос более обстоятельно. В какой степени правомерно говорить об «абсолютной рациональности» науки и «абсолютной иррациональности» религии, особенно имея в виду христианство?

Сначала несколько слов о науке. Если взять естественнонаучное знание в самой общей форме, то в нём можно выделить, во-первых, эмпирический базис, или предметную область теории (наблюдаемые факты); во-вторых, саму теорию, представляющую собой ряд взаимосвязанных положений (законов), между которыми не должно быть противоречия; в-третьих, математический аппарат теории и, наконец, экспериментально-измерительную деятельность. Все эти моменты тесно связаны между собой. Так, необходимо, чтобы следствия, с помощью специальных методов и правил полученные из законов теории, объясняли и предсказывали те факты, которые составляют её предметную область. Теория же определяет, что и как надо наблюдать, какие величины измерять и как осуществлять эксперимент. Таким образом, именно теории в науке принадлежит ключевая роль. А поскольку теория есть строгое образование, имеющее свою внутреннюю логику развития, то легко прийти к выводу о чисто имманентном характере развития науки. К такому выводу и пришла позитивистски ориентированная философия науки XIX – первой трети XX в. Однако в XX в., особенно начиная с 50-х гг., философы и историки науки обнаружили, что во всякой научной теории есть не до конца рационализируемое содержание, а именно такие допущения, которые в рамках теории не доказываются, а принимаются в качестве само собой разумеющихся предпосылок. К их числу относятся идеалы объяснения, доказательности и организации знания, которые из самой теории не выводятся, а определяют её собою. Конкретный пример принимаемой как самоочевидная предпосылки – известное утверждение Галилея: «Книга природы написана на языке математики». Оно восходит к пифагорейской формуле «все есть число», родившейся в лоне философии, причём философии, возникшей в религиозном ордене, и только в XVII в., в механике это утверждение стало фундаментальным принципом изучения природы. Наука, таким образом, оказывается не замкнутым в себе имманентным процессом развития знания, а органически связана с культурой своей эпохи, с другими формами духовного опыта, прежде всего с философией, но – опосредованно – также и с религией, как я это постараюсь показать ниже.

Теперь немного о религии. Начнем с известного предрассудка об иррациональности религиозного сознания. Конечно, в истории существовало и ныне существует множество религиозных общин и сект, в которых находят выражение несхожие типы религиозного опыта, среди них и такие, которые резко противопоставляют веру разуму. Однако в христианстве религиозный опыт и рациональное мышление не противостоят друг другу как противники. Христианское богословие, опирающееся не только на Откровение, но и на разум, тоже, кстати, рассматривает себя как науку. Всякое религиозное учение, чтобы говорить о Боге, пользуется словом, то есть логосом (разу-

мом). С первых веков христианства, в эпоху патристики разум рассматривался как высшая из человеческих способностей. Вот что пишет тот самый Тертуллиан (II–III в.), чье имя обычно ассоциируется с известным афоризмом: «Верую, ибо абсурдно»: «...Разум есть дело Божье, так как Бог – Творец всего сущего – все предвидел, расположил и устроил согласно разуму и не желал, чтобы что-нибудь рассматривали и понимали без помощи разума» [1. С. 307]. Более того – именно в разуме христианские писатели видели образ Божий в человеке. У византийского богослова Иоанна Дамаскина (VIII в.) читаем: «Бог... творит человека и из видимой, и невидимой природы как по своему образу, так и по подобию... ибо выражение: *по образу* означает разумное и одаренное свободною волею; выражение же: *по подобию* обозначает подобие чрез добродетель, насколько это возможно [для человека]» [2. С. 151]. Что образ Божий заключается в разумности человека, учат Климент Александрийский, Василий Великий, Григорий Нисский и другие представители патристики. Не могу не привести в этой связи и слова Августина Блаженного: «Нет ничего могущественнее разума, ибо нет ничего неизменнее» [3. Т. 1. С. 381]. И еще: «Образ Божий, по которому сотворен человек, заключается в том, чем человек превосходит неразумных животных. А это называется умом, или разумом, или сознанием... Образ Божий не в телесных чертах, а в ...форме просвещенного разума» [3. Т. 2. С. 380]. Поэтому очень наивно звучит пассаж из статьи В. Гинзбурга: «Для того чтобы как-то сохранить своё влияние не только в темных массах, верящих в чудеса, церковь перестроилась и, можно сказать, признала науку, разум в качестве чего-то равноправного с верой. Упомянутая энциклика папы начинается словами: «Вера и разум подобны двум крылам, на которых дух человеческий возносится к созерцанию истины...» Надо изучать историю христианской религии по сочинениям французских материалистов XVIII в., чтобы прийти к выводу, что в папской энциклике конца XX в. церковь впервые признает значение разума наряду с верой!

В действительности именно рационализация христианской апологетики, происходившая в ходе отстаивания истинного содержания веры от намеренных и ненамеренных её искажений, содействовала углублению общего исторического процесса рационализации сознания. В частности, в патристический период христианская теология формировалась в полемике с гностиками, арианами и другими духовными течениями; в этой полемике, а затем в тринитарных спорах отцы церкви опирались, помимо Священного Писания, на наиболее близкие христианству философские учения, такие как неоплатонизм, иногда – стоицизм, черпая свою аргументацию там, где философская мысль достигла высокой интеллектуальной культуры. Философское богатство эллинской мысли, перенесенное на христианскую почву, дает высочайшую и, подчеркну, именно интеллектуальную культуру. Поэтому относить религию, и притом безоговорочно, к сфере иррационального – недопустимое упрощение.

Специально отметим, что в религиях с этически рациональными требованиями к образу жизни – таковы, в частности, иудаизм, христианство, ислам – человеческое поведение опосредуется знанием, объясняющим сущность разумно-нравственного божественного миропорядка и соответственно человеческих отношений. Религиозная этика побуждает к установлению смысловых связей между явлениями, и это в известной мере сближает её с философией, поскольку последняя стремится понять именно смысловую структуру сущего, создавая – особенно в античности и в Средние века – картину иерархически устроенного космоса. К слову сказать, эту цель ставила перед собой и античная наука – аристотелианская физика и даже греческая математика, как это показали исследования XX в.

И тем не менее из сказанного отнюдь не вытекает, что мы можем забыть о существенных различиях между христианством и наукой. Наука изучает то, что постижимо с помощью разума и опыта. Религия апеллирует к тому, что превосходит разум и не может быть проверено внешним опытом, хотя может открываться во внутреннем опыте веры, которая есть «обличение вещей невидимых». Но различие между этими областями духовной жизни не означает их полярной противоположности и взаимного враждебного противостояния. Правда, хорошо известно, что в определённые переломные эпохи истории, когда традиционные ценности и верования ставятся под сомнение, возникают такого рода противостояния (сошлёмся на известный пример отношения Галилея с католической церковью). Однако гораздо менее известны исторические ситуации, когда религиозное сознание влияет на формирование тех самых предпосылок научной теории, которые в рамках теории не доказываются, а принимаются в качестве самоочевидных. История науки свидетельствует о том, что подлинное влияние христианства на развитие естествознания шло на гораздо более глубоком уровне, чем тот, к которому обычно апеллирует «научный атеизм».

Приведём пример, касающийся генезиса новоевропейской науки. Дело в том, что в период формирования экспериментально-математического естествознания (XVI–XVII вв.) произошел пересмотр важнейших оснований античной и средневековой физики и даже математики, было переосмыслено само понятие природы, как оно сложилось в античности и – в главном – сохранялось в Средние века. Укажем наиболее важные из принципов, изменение которых привело в ходе научной революции к пересмотру оснований науки о природе.

1. Античная и средневековая физика исходила из разделения всего сущего на естественное (природное) и искусственное (созданное человеком). В античной философии и науке природа мыслилась через противопоставление её не-природному, искусственному, тому, что носило название «техне» и было продуктом человеческих рук. Поэтому греки строго различали науку, с одной стороны, и механические искусства – с другой. Физика как наука, согласно древним, рассматривает сущность вещей, их свойства и движения, как они существуют сами по себе. Механика же – это искусство, создающее

инструменты для таких действий, которые не могут быть произведены природой. Механика – не часть физики, а искусство построения машин: она представляет собой не познание того, что есть в природе, а изготовление того, чего в природе нет.

2. Водораздел лежал также между небесным и земным, надлунным и подлунным мирами: надлунный был воплощением вечного порядка и неизменных движений, в подлунном царили непостоянство и изменчивость.

3. Не менее жестко различались между собой две области знания – математика и физика. Предметом математики были идеальные конструкции (идеальные объекты) и она находила себе применение прежде всего в астрономии, имевшей дело с наиболее приближенным к идеальному небесным миром.

Начиная со второй половины XVI в. происходит пересмотр этих принципов. Снимаются жесткие разделения между естественным и искусственным, с одной стороны, небесным и земным мирами – с другой; снимается и непреодолимый раздел между математикой и физикой. Чем же были вызваны такие радикальные перемены в научном мышлении? Какие факторы – внутринаучные, философские, религиозные обусловили столь глубокую перестройку базисных предпосылок науки? Если мы примем во внимание тот мировоззренческий, а точнее – религиозный контекст, в котором происходит формирование новоевропейского естествознания, то приходится, скорее, удивляться тому, что переосмысление понятий «естественное» и «искусственное» не произошло значительно раньше. В самом деле, для христианского сознания «естественного» в аристотелевском смысле (то есть того, «что имеет в самом себе начало движения и покоя»), строго говоря, не существует: поскольку природа есть творение Бога, то «начало её движения и покоя» – не в ней самой, а в Творце. Поэтому хотя Средневековье принимало античное разделение естественного и искусственного, но различие между ними видели не там, где его усматривал античный мир: для схоластики естественное – это то, что создано бесконечным Творцом, а техническое – то, что создано человеком, творцом конечным. И не удивительно, что при таком воззрении природа предстает как *machina mundi* – машина мира, построенная бесконечным Творцом.

Именно у одного из творцов классической механики Декарта читаем: «Между машинами, сделанными руками мастеров, и различными телами, созданными одной природой, я нашел только ту разницу, что действия механизмов зависят исключительно от устройства различных трубок, пружин и иного рода инструментов, которые, находясь... в соответствии с изготовившими их руками, всегда настолько велики, что их фигура и движения легко могут быть видимы, тогда как, напротив, трубки и пружины, вызывающие действия природных вещей, обычно бывают столь малы, что ускользают от наших чувств. И ведь несомненно, что в механике нет правил, которые не принадлежали бы физике (частью или видом которой механика является); поэтому *все искусственные предметы вместе с тем предметы*

естественные (курсив наш. – П.Г.). Так, например, часам не менее естественно показывать время с помощью тех или иных колесиков... чем дереву... приносить известные плоды» [4. С. 539–540]. Не случайно сравнение природы с часами мы так часто встречаем у учёных и философов XVI в. Различные часы могут показывать одинаковое время, даже если в конструкции их колёс не будет никакого сходства. Важен эффект. Поэтому, говорит Декарт, нет нужды и при познании природы доискиваться, как устроены «колёса» её «часов». Прежде наука стремилась понять природу в её, так сказать, внутреннем устройстве, но, согласно Декарту, это невозможно, да и не нужно. Достаточно, чтобы вещи сконструированного нами мира вели себя так, как ведут себя вещи в мире реальном. В этом – принцип эксперимента. Декарт сформулировал здесь положение, которое легло в основу новоевропейского естествознания как его ставшая впоследствии само собой разумеющейся предпосылка: отождествление естественного и искусственно сконструированного, природы и машины. А подлинным источником этой предпосылки оказался христианский догмат о творении мира Богом. И, как видим, не случайно новая наука и научно-техническая цивилизация родились в христианской Европе, а не в Индии, Китае или других странах с весьма высоким уровнем культуры.

Именно такое воздействие религиозного сознания на научное творчество имеет несоизмеримо большее значение для развития науки, чем влияние личной религиозности того или иного учёного, – тема, которой так много места уделил в своей статье В. Гинзбург.

Остановимся и на другом моменте: на снятии противопоставления небесного и земного миров, определявшего специфику античного естествознания и не допускавшего применения в нём математики. Тут тоже не обошлось без существенного влияния христианства. Как ни покажется это неожиданным, но христианский догмат о Боговоплощении сыграл здесь важную роль, разрушив самые основы античного представления о полной несовместимости божественного и человеческого, небесного и земного. Ведь согласно этому догмату, Иисус Христос, Сын Божий, есть в то же время сын человеческий. Тем самым Небо как бы спущено на землю, или, что то же самое, земля поднята на Небо. Не случайно именно догмат о богочеловеческой природе Христа встретил наибольшее сопротивление греческих языческих учёных, сразу усмотревших в нём опасность разрушения самих оснований античной науки. И в самом деле, перенесение Земли на аристотелево Небо, законы движения которого могут быть познаны с помощью математики, в отличие от движений земных, уже содержало в себе возможность как коперниканской революции XVI в., так и снятие принципиальной границы между астрономией и физикой, что составляло предпосылку экспериментально-математического естествознания. Коперник начал то, что затем продолжили Кеплер, Галилей, Декарт, Ньютон и др., устраняя остатки античного конечного космоса с его системой абсолютных мест, разделением надлунного и подлунного миров, естественного и насильственного движений,

снимаемая онтологический барьер между естественным и искусственным и соответственно между физикой и механикой, а также между математикой как наукой об идеализованном (сконструированном) объекте и физикой как наукой о реальной природе.

У читателя может возникнуть вопрос: если христианство так сильно повлияло на изменение старой – античной – картины мира, то почему же экспериментально-математическое естествознание не возникло раньше – ни в V, ни в XII, ни даже в XIV веках? – Дело в том, что и для христианских теологов бесконечный Творец и творец конечный – человек – несоизмеримы по своим возможностям. Правда, в Библии человек поставлен очень высоко; как образ Божий он призван властвовать над всем сущим на земле. Сегодня среди критиков индустриально-технической цивилизации распространена точка зрения, согласно которой именно иудео-христианское отношение к природе как объекту господства со стороны человека лежит в основе этой хищнической цивилизации и породившей её новой науки.

Однако не забудем, что, согласно библейскому повествованию, человек после грехопадения утратил ту первоначальную чистоту, которая была источником как его силы, так и сочувственной близости ко всей живой твари на земле, благодаря чему он мог «возделывать и хранить» природу, а не господствовать над ней как своёкорыстный насильник. И в эпоху эллинизма, и в Средние века сознание собственной греховности было у христиан очень острым, а потому на первом плане была задача спасения души, а не покорения природы. Нужны были серьёзные сдвиги в мировоззрении, чтобы ослабить, а то и вовсе угасить чувство греховности человека, а тем самым снять пропасть между ним и божественным Творцом. Эти сдвиги и произошли в XV–XVI вв. под влиянием возрожденческого неоплатонизма и связанного с ним герметизма. Герметизм – эзотерическое магико-окультное учение, восходящее к полумифической фигуре египетского жреца и мага Гермеса Трисмегиста. Герметизм располагал обширной астрологической, алхимической и магической литературой, получившей широкое распространение в эпоху Возрождения. Окультные учения отличает от христианства убежденность в божественной, нетварной сущности человека и вера в то, что существуют магические средства очищения, возвращающие человека к состоянию невинности, каким обладал Адам до грехопадения. Очистившийся человек становится Вторым Богом и может самостоятельно управлять силами природы. Парацельс, Г.К. Агриппа, Джон Ди, Джордано Бруно, Флудд и др. создали образ Человека-Бога, способного не только до конца познать природу, но и магической силой воздействовать на неё, преобразовывать в своих практических целях.

В XVII в. наступила реакция против эзотерики и герметизма. Тут сказался дух Реформации и Контрреформации, возродивших христианское неприятие оккультизма и магии, астрологии и алхимии. Так, английский химик Роберт Бойль противопоставляет последователям Парацельса принципы научной химии; друг Декарта, известный учёный и католический монах Ма-

рен Мерсенн, противопоставляет оккультизму картезианскую механику, критикуя воззрения Бруно, Флудда и Кампанеллы как антихристианские и антинаучные. Даже Фрэнсис Бэкон, именно магико-герметическим учениям обязанный своим убеждением в том, что человек – властитель природы и её преобразователь, – даже он стремится отмежеваться от этих учений и отделить «научную магию» от «ненаучной».

Тем не менее приходится признать, что у истоков новоевропейского естествознания стоит не только христианство, но и герметизм. Печать своего двойственного происхождения оно несёт на себе и по сей день. Новая наука в такой же мере унаследовала от античной науки и христианства любовь к истине и стремление с помощью разума постигнуть законы и структуру мироздания как прекрасного творения Божия, в какой и выросшую из магико-оккультных корней жажду овладеть природой, силой вырвав у нее её тайны, преобразовать, пересоздать её, даже если это грозит уничтожением всего живого на планете. В том числе и самого человека. Противоположность этих тенденций в современной науке действительно требует сегодня своего осмысления, особенно перед лицом тех опасностей, которые несут с собой некоторые открытия не только физики и химии, но и генетики. В идее клонирования человека сквозит характерное именно для магии упоение своей властью над природой. Человек хочет встать на место Бога и творить самого себя.

Нельзя не упомянуть здесь и ещё одной опасности – опасности фантастических построений от имени науки – а то и прямого шарлатанства, которые рождаются от убеждения в её всеисилии и всезнании, от утраты трезвости и добросовестности и в равной мере вредят как науке, так и нравственному сознанию человека.

Думается, что противоядием от всех этих разрушительных тенденций может послужить союз науки и христианства. Этот союз вполне естественен: он предполагает трезвость в оценке возможностей нашего разума, характерную как для христианского богословия, которое никогда не отождествляет человеческий разум с божественным, так и для выдающихся учёных. Вспомним Ньютона, который с подлинно христианским смирением оценил свои научные достижения, сказав, что он чувствует себя ребёнком, играющим на берегу моря и радующимся, если ему удаётся находить то гладкую гальку, то красивую ракушку, тогда как перед ним лежит неизведанным великий океан истины. Вот это и есть трезвое сознание возможностей человеческого познания, которое нашло своё выражение в апофатической теологии и которого порой так недостаёт некоторым учёным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тертуллиан*. Избр. соч. – М., 1994.
2. Творение св. Иоанна Дамаскина: Точное изложение православной веры. – М. – Ростов-на-Дону, 1992.
3. *Бл. Августин*. Творения. – СПб., 1998.
4. *Декарт Р.* Избранные произведения. – М., 1950.

SCIENCE AND CHRISTIANITY: OPPOSITION OR ALLIANCE?

P.P. Gaidenko

The opposition between modern European science and Christian religion is largely seeming rather than real. The rational principle and reliance on reason are no less inherent in Christian theology than they are in European mathematics and logic. At the same time, the genesis of modern European natural science in the 16th-17th centuries is closely related to Renaissance Hermetism and occultism oriented towards magic. The author believes that an alliance between science and Christianity on the common ground of reason is possible and desirable today.

Key words: science, religion, rationality, the irrational, empeiria, theory, Revelation, reason, genesis of modern European science, Hermetism, alliance of science and Christianity.